

БРАУНШВЕЙГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ УСТАВ 1528 Г.

При изучении Реформации в Германии важную роль играют исследования евангелического движения в различных регионах страны. Они необходимы, учитывая специфику Германии XVI в. – отсутствие единого национального государства. В условиях политической раздробленности практически невозможно было создать единообразный тип Церкви во всей Германии. Инициативу проявили отдельные города и территории, поддержавшие Реформацию. Принятый в 1528 г. в Брауншвейге церковный устав впервые решил комплекс вопросов, связанных с деятельностью Евангелической Церкви и ее взаимоотношениями с общиной верующих.

В отечественных работах этот документ пока не стал предметом исследования. Немецкие историки неоднократно затрагивали проблему создания Брауншвейгского устава, однако зачастую лишь дополняли его характеристикой общего описания реформаторской деятельности автора устава Иоганна Бугенхагена [1; 2; 3; 4]. Специальные исследования документа обычно затрагивали отдельные аспекты его содержания: организацию школ города [5], решение социальных проблем [6]. Поэтому задача комплексного анализа Брауншвейгского церковного устава сохраняет актуальность. Его содержание является предметом исследования данной статьи.

Основным результатом деятельности Иоганна Бугенхагена в Брауншвейге стало создание церковного устава. Бугенхаген, прибывший в город 20 мая 1528 г., работал над этим документом в течение всего лета. 5 сентября 1528 г. состоялось его утверждение Советом и представителями гильдий и общин. На следующий день о принятии устава было возведено во всех приходских церквях Брауншвейга во время богослужения [4, S. 32].

Брауншвейгский устав должен был дать правовое обоснование создававшейся Евангелической Церкви, уточнить ее функции и установить нормы церковного порядка. Ведь в городе продолжали действовать принципы канонического права, которыми Римско-Католическая Церковь

руководствовалась в своей повседневной деятельности. Основными смысловыми частями устава являются: изложение принципов христианского учения; регламентация устройства Церкви в городе; устав «общей кассы»; школьный устав.

Исходным пунктом устава стала трактовка христианской литургии в духе евангелизма. К основным пунктам культа, трактовка которых пересматривалась реформаторами, относились Крещение и Причастие [7, S. 379]. Бугенхаген выступил против взглядов анабаптистов, предлагавших креститься лишь во взрослом, сознательном возрасте: он подчеркнул, что Крещение делает человека христианином и помогает достичь Спасения, поэтому его следует проводить сразу после рождения ребенка [8, S. 357]. Папскому запрету причащаться вином мирянам, принятому на Соборе в Констанце в 1415 г., Бугенхаген противопоставил труды отцов Церкви, в которых причащение под двумя видами упоминалось как общая норма для христиан [8, S. 409].

Брауншвейгский устав зафиксировал разрыв евангелической церковной организации с прежней иерархией: деятельность высшего католического духовенства была названа антихристианской [8, S. 391]. Наряду с этим устав требовал преследовать и «фанатизм», применяя это обозначение ко всем противникам лютеранства. Идеологи евангелизма понимали угрозу, таившуюся в существовании других учений, хотя бы и враждебных католицизму. В Брауншвейгском уставе Бугенхаген предостерегал от проповеди «от имени Христа» иных идей. Эти слова отражали реальность конца 20-х гг. XVI в., когда в Германии распространялись различные сектантские движения. Их приверженцы являлись для Бугенхагена лжепророками, обличавшимися Христом [8, S. 372]. Евангелические церковные уставы обязывали священнослужителей преследовать идейных противников и постоянно обличать их в проповедях.

Свидетельствуют ли такие высказывания об ограниченности и догматизме лютеранского вероучения? Для ответа на этот вопрос необходимо учесть, что в Германии эпохи Реформации отношения между Церквями были важной

общественной проблемой. Чтобы укрепить свое влияние, евангелизм должен был противопоставить католицизму не менее сильную организацию и дисциплину. Компромиссы в ситуации, когда становление новой церковной организации только происходило, неминуемо привели бы к сдаче позиций.

Среди священнослужителей наиболее подробно Брауншвейгский устав охарактеризовал обязанности проповедника, сравнивая их с апостольской деятельностью [8, S. 371]. Ведь благодаря проповеди люди воспринимают Священное Писание. Фактически это означало, что проповеднику отводилось важнейшее место в формирующейся евангелической церковной организации. Помимо изменения роли священнослужителя, отличие евангелической литургии от католических месс состояло в активном участии в богослужении самих прихожан. Они не только слушали слово проповедника, но и совместно исполняли духовные песни [8, S. 440]. Установленный Брауншвейгским уставом порядок богослужения, начинавшегося с псалмов на немецком языке, продолжавшегося молитвами, проповедью и исполнением духовных песен, был сохранен в последующих евангелических уставах [9, S. 528–531; 10, S. 348].

В результате принятия устава изменениям подвергся не только внешний порядок мессы, но и смысл богослужения. Общая месса проводилась по воскресеньям и была обязательной для всех прихожан [8, S. 376]. Проповеди произносились в городских церквях и каждый день, но в будни они должны были длиться не более получаса [8, S. 381]. Многочисленные церковные праздники и длительные мессы, характерные для Римско-Католической Церкви, в эпоху Реформации отходят в прошлое. Поставив целью приобщить бюргеров к Евангелию, реформаторы отнюдь не стремились мешать их повседневному труду.

При замещении должности проповедника, согласно Брауншвейгскому уставу, важная роль принадлежала городской администрации – Совету того района, на территории которого располагалась приходская церковь. Л. Шорн-Шютте полагает, что Бугенхаген в Брауншвейгском уставе рассматривал приходских священников как посредников между городскими властями и

общиной и не подчинял священнослужителей магистратам [11, S. 260]. Однако, на наш взгляд, решающим обстоятельством является то, что при назначении проповедников община и Совет имели неравные права. Прихожанам позволялось только рекомендовать кандидатуру проповедника – «призывать» его к духовному служению (Vocation); магистраты же получили право окончательного утверждения кандидата. После этого высшие лица евангелической церковной организации города проводили официальное назначение священнослужителя (Ordination) [8, S. 374]. Этот порядок свидетельствовал об усилении позиций городских Советов в период поздней Реформации. Таким образом, Брауншвейгский устав зафиксировал отказ от принципа всеобщего священства христиан, провозглашенного Лютером в послании 1520 г. «К христианскому дворянству немецкой нации...» [12, с. 14–15]. Главное требование раннего периода евангелического движения под давлением обстоятельств было отвергнуто самими реформаторами.

Брауншвейгский устав 1528 г. устанавливал штат городских священнослужителей и определял размер жалованья проповедника. В большинстве приходских церквей города должны были отправлять богослужение два проповедника. В случае болезни или потери голоса проповедника предусматривалась замена его другим священнослужителем с ведома суперинтендента [8, S. 375]. За исполнение своих обязанностей священнослужитель приходской церкви получал 35 гульденов в год; в случае его женитьбы эта сумма увеличивалась на 10 гульденов. Приход оплачивал и жилье проповедника. В случае невозможности исполнять свои обязанности по болезни или вследствие преклонного возраста священник получал пенсию за счет своего бывшего прихода [8, S. 376].

Наряду с характеристикой обязанностей проповедника Брауншвейгский устав уделил внимание контролю повседневной деятельности церковной организации. Ведущая роль в этом отводилась особым лицам – суперинтендентам и их помощникам – адъютантам. Термин «суперинтендент» в середине 20-х гг. XVI в. обозначал старшего проповедника в той или иной

территории [13, S. 221]. В Брауншвейгском уставе проповедь также была включена в число обязанностей суперинтендента [8, S. 373]. Но наряду с этим устав зафиксировал и ряд новых функций. Суперинтенденты осуществляли надзор за пасторами, вероучением, Таинствами и церковным имуществом. Они проводили процедуру назначения священников и проверяли деятельность городских школ. Наконец, им поручалось рассмотрение проблем брака и семейных конфликтов внутри общины; это задание им давал Совет того района, где проживала конфликтующая семья [8, S. 384]. Помимо контроля евангелической церковной организации, суперинтенденты и адъюторы должны были препятствовать деятельности церковных объединений, представлявших другие направления христианства.

В то же время суперинтендентам следовало не только запрещать действия, несовместимые с принципами евангелизма, но и пропагандировать идеи Реформации, в том числе среди заведомых ее противников. Еженедельно суперинтендент и адъютор должны были читать в городских монастырях лекции по Священному Писанию [8, S. 374]. Вероятно, тем самым Бугенхаген надеялся как приобщить колеблющуюся часть монашества к идеям Реформации, так и помешать пропаганде убежденных противников евангелизма.

Но по сравнению с епископами полномочия суперинтендентов были значительно ограничены. Суперинтенденты являлись чиновниками, находившимися в зависимости от светской власти, посредниками между властью и приходами. И возможные выступления против власти должны были незамедлительно пресекаться ими. Примечательно, что каждую проповедь во время богослужения следовало начинать с хвалы властям [8, S. 440]. Так идея покорности должна была постоянно внедряться в умы прихожан. Не случайно отсутствие горожанина на проповеди рассматривалось как серьезный проступок, который подлежал рассмотрению местного Совета [8, S. 385].

Однако деятельность евангелической церковной организации не ограничивалась утверждением теологических принципов Реформации.

Служители Церкви приняли участие в организации «общих касс», которой была посвящена еще одна часть Брауншвейгского устава. Создание системы социальной помощи взамен прежних органов благотворительности Римско-Католической Церкви стало важной задачей территориальных властей в период раннего Нового времени. Уже во второй половине XV в. городские Советы в некоторых случаях выступали распорядителями завещанного имущества бюргеров; власти также начали разделять просителей милостыни на «своих» и «чужих», отказывая в подаении нищим из других городов. Но только в эпоху Реформации стала создаваться коммунально-общинная система социальной опеки бедняков [14, с. 154]. Впервые эта задача была намечена в «Новом порядке города Виттенберга» (1522). «Общие кассы» возникли и в других городах Германии, поскольку проблема бедности и нищенства в XVI в. приобрела небывалую прежде остроту [15, с. 132]. Городские власти должны были принять на себя ответственность за обеспечение малоимущих: так, Нюрнбергский устав (1522) поручал распределение пожертвований среди бедняков двум членам городского Совета и десяти бюргерам [16, S. 68]. Этот порядок должен был стабилизировать социальные отношения и предотвратить массовые выступления. Последняя задача стала особенно актуальной после 1525 г., когда власти стремились избежать повторения событий Крестьянской войны. Таким образом, Бугенхаген исходил из реальных условий городской жизни и опирался на уже возникшие способы решения социальных проблем.

Средства «общей кассы» формировались из двух источников. Первым из них были пожертвования бюргеров на заупокойные церковные службы, дары в пользу прежних благотворительных обществ, поступления от бенефициев [8, S. 450–451]. Брауншвейгский устав, однако, ничего не говорил о конфискации имущества монастырей и штифтов. Не решил он и судьбу церковной утвари: все имущество церквей должно было инвентаризоваться Советом, но распоряжений о его дальнейшем использовании в уставе не содержалось. Новым, постоянным источником пополнения «общей кассы» стали

принудительные отчисления бюргеров, хотя их точные размеры не устанавливались.

Распоряжение этими средствами возлагалось на четырех диаконов. Их избирала из своего числа община каждого прихода, но утверждение диаконов, проверка их деятельности и смещение с должности осуществлялось Советом района и приходскими проповедниками [8, S. 454]. Община, таким образом, прямо не контролировала деятельности диаконов. В отличие от проповедников, суперинтендентов и учителей, диаконы не получали жалованья. По-видимому, эта служба исполнялась на общественных началах в связи с тем, что ей занимались бюргеры, не прекращавшие основного занятия – ремесла или торговли.

Из средств «общей кассы» каждые три месяца выплачивалось жалованье священнослужителям, а также преподавателям городских школ [8, S. 454]. Поступления в «общую кассу» стали основой обеспечения формирувавшейся Евангелической Церкви и школы. «Общая касса» также приняла на себя функции оказания помощи малоимущим жителям города и призрения пожилых горожан. Это стало возможным благодаря тому, что в ее распоряжение перешли все пожертвования по завещаниям бюргеров, а также дарения.

Деятельность «общих касс» ряд современных историков относит к мерам т. наз. «социального дисциплинирования». М. Вебер применил этот термин к периоду «индустриального общества», характерными чертами которого являются стандартизация труда, жизни и поведения людей, а также внедрение «казарменной дисциплины» на производстве [17, S. 686]. Однако, на наш взгляд, не следует сводить меры дисциплинирования лишь к регламентации труда и материальному обеспечению беднейших слоев населения. Задачи Реформации были гораздо шире. Ее идеологи стремились придать новый смысл не только профессиональной деятельности бюргеров, но и человеческому сознанию.

Вследствие этого реформаторы придавали первостепенное значение церковному воспитанию, которое должно было начинаться с самого детства.

Брауншвейгский церковный устав поставил задачу преобразования городских школ на началах евангелизма. В средние века начальное образование не являлось обязательным, единых форм его также не существовало [18, с. 384]. Однако в формировавшемся раннебуржуазном обществе требовалось глубокое овладение знаниями, необходимыми для повседневной жизни и профессиональной деятельности. Таким образом, преобразование школ Германии стало объективной необходимостью. Общественная потребность в развитии школ совпадала с субъективными интересами лидеров Реформации. Для Лютера и его сторонников существовавшая ситуация в образовании была неприемлемой, поскольку в таких условиях они не могли целенаправленно распространять свои взгляды среди молодого поколения. Такую задачу могли решить только единые для всех детей школы с унифицированной учебной программой. Неотъемлемой частью этой программы должно было стать изучение основ евангелизма под руководством преподавателей – приверженцев Реформации.

В основу учебного плана «латинских» школ Брауншвейга легли идеи Филиппа Меланхтона, сформулированные в «Наставлении визитаторов пасторам курфюршества Саксонского» (это произведение было издано весной 1528 г.). Уже в разделении учеников на три класса заметно влияние плана Меланхтона. Главным учебным предметом, как и в «Наставлении визитаторов...», выступал латинский язык. Вместе с тем наблюдается существенное различие между двумя документами. Брауншвейгский устав оговаривал, что ученикам следует некоторое время заниматься и немецким языком [8, S. 368], в то время как Меланхтон ориентировался на изучение в школах только латыни. Это различие можно объяснить тем, что «Наставление визитаторов...» адресовалось в первую очередь священникам, а в богослужении латынь сохраняла свое господствующее значение. Бугенхаген же работал прежде всего в интересах города, где в повседневной жизни употреблялся немецкий язык.

Хотя работа учителя поручалась особому лицу и была отделена от службы

проповедника, на практике в их функциях обнаруживались точки пересечения. Характеризуя обязанности ректора школы, устав отметил, что в случае необходимости он может прочитать латинскую лекцию по Священному Писанию [8, S. 364]. В то же время эту нагрузку не следовало навязывать учителю: основным его делом являлось именно проведение школьных занятий. Городские власти, согласно уставу, должны были контролировать эти занятия. Два раза в год специальная школьная комиссия, в состав которой входили суперинтендент, адьютор, представители Советов пяти городских районов и «общей кассы» церковного округа, проводила визитацию, проверяя состояние школ и выполнение всеми учителями требований устава. Совет и представители местной общины имели право увольнять учителей, если они несведущи в своей службе, недостаточно усердны или ведут недостойную жизнь [8, S. 365].

Согласно уставу, городской Совет предоставлял и оплачивал квартиры преподавателей. Гарантия бесплатного жилья была серьезной поддержкой для учителя, который мог происходить из другого города и не иметь собственного дома в Брауншвейге. Совет и община приняли на себя и материальное обеспечение учителей. Ректор школы получал в год 50 гульденов, его помощники – от 20 до 30 гульденов. В случае женитьбы каждый учитель получал ежегодную прибавку в 10 гульденов [8, S. 374]. Однако постоянное жалованье было для преподавателей школ не единственным средством к существованию. Каждые полгода учителям должна была выплачиваться прибавка из суммы, вносившейся родителями за обучение детей. Очевидно, что наличие дополнительной оплаты за каждого ученика делало преподавателей заинтересованными в том, чтобы обучать большее число школьников. Устав не запрещал и частных занятий – при условии, что учителя справляются со своей основной работой в школе. Судя по тому, что в качестве основного вознаграждения за частные уроки упоминалось бесплатное питание [8, S. 367], можно сделать вывод: постоянное жалованье учителей и процент в оплате родителями обучения были весьма скромными, позволявшими лишь сводить

концы с концами.

Особая роль в школах, помимо латинского языка, отводилась духовному пению. Кантору предписывалось ежедневно по часу заниматься с учениками; целью его работы было научить всех учащихся исполнять духовные песни [8, S. 369]. Церковное пение, как и учебный план устава, служило тому, чтобы наставлять детей в христианской вере. Ежедневное исполнение песен во время богослужения подчиняло школьников культу общины.

Таким образом, в Брауншвейгском уставе последовательно проводилась мысль: школа – неотъемлемая часть города. Поэтому сами горожане должны принять на себя заботу о школе. Устав определил, какие кадры необходимы для функционирования городских «латинских» школ. В нем были сформулированы общие требования к подготовке учителей, к их поведению вне школы, а также отмечена их роль в церковной жизни. Новая школа оказывалась неразрывно связанной с формирующейся евангелической церковной организацией, подобно тому, как в средние века школы находились под влиянием Римско-Католической Церкви. Однако если основной целью средневековых школ была подготовка сравнительно небольшого числа учащихся к службе священников, то реформаторы вменили учебным заведениям в обязанность воспитывать все население в христианском духе [19, S. 18]. От достижения этой цели в конечном счете зависел успех Реформации в Германии.

Важнейшим показателем участия бюргеров в составлении Брауншвейгского устава являются предложения общин и гильдий, выдвинутые после изучения первого варианта документа. Они касались практически всех основных разделов устава. Так, бюргеры были солидарны в отношении к монастырям. Они предлагали закрывать их, чтобы молодые монахи могли овладеть каким-либо ремеслом, а пожилые получили бы от города определенное обеспечение. Горожане обосновывали свои предложения тем, что оставленные на произвол судьбы монахи будут вести в домах пропаганду против идей евангелизма. Брауншвейгский церковный устав учел предложения представителей общин и гильдий в трех пунктах: уточнение оплаты труда

учителей, повышение зарплаты священнослужителей и сохранение должности проповедника в церкви госпиталя св. Марии [20, S. 67–69].

Брауншвейгский устав 1528 г. оказал принципиальное влияние на развитие Евангелическо-Лютеранской Церкви и школы Германии. Его рекомендации носили универсальный характер и могли быть реализованы не только в Брауншвейге, но и в других территориях. Подтверждение тому – появление в 30–40-х гг. XVI в. церковных уставов в ряде германских городов и княжеств. При их разработке образцом служил именно Брауншвейгский устав; неоднократно Бугенхаген лично участвовал в составлении этих документов.

Принятие церковного устава в 1528 г. стало рубежом в развитии евангелического движения в Брауншвейге. Именно с этого момента евангелическая церковная организация окончательно возобладала над прежними институтами Римско-Католической Церкви. Влияние устава 1528 г. следует учитывать, рассматривая дальнейшее развитие Церкви и школ Брауншвейга.

Литература

1. Vogt K.A.T. Johannes Bugenhagen Pomeranus. – Elberfeld, 1867.
2. Hering H. Doctor Pomeranus, Johannes Bugenhagen. Ein Lebensbild aus der Zeit der Reformation. – Halle, 1888.
3. Bergsma J. Die Reform der Messliturgie durch Johannes Bugenhagen. 1485–1558. – Kevelaer–Hildesheim, 1966.
4. Leder H.-G. Leben und Werk des Reformators Johannes Bugenhagen // Kirchenreform als Gottesdienst. – Hannover, 1985.
5. Oertel H. Bugenhagens Schulordnung in der Braunschweiger Kirchenordnung von 1528 // Die Reformation in der Stadt Braunschweig. – Braunschweig, 1978.
6. Kalberlah G. Der soziale Gedanke in Bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung // Jahrbuch der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte. – 1953. – Bd. 51.
7. Sprengler-Ruppenthal A. Bugenhagen und das kanonische Recht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. – 1989. – Bd. 106.
8. Der erbarn stadt Brunswig christlike ordeninge to denste dem hilgen evangelio, christliker leve, tucht, frede und eynicheit // Die evangelischen Kirchenordnungen des 16. Jahrhunderts. – Tübingen, 1955. – Bd. 6. Halbband 1.
9. Kirchenordnung für Hamburg von 1529 // Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts. – Leipzig, 1913. – Bd. 5.
10. Der keiserlikenn Stadt Lübeck christlike ordeninge // Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts. – Leipzig, 1913. – Bd. 5.
11. Schorn-Schütte L. “Papocaesarismus” der Theologen? Vom Amt des evangelischen Pfarrers in der frühneuzeitlichen Stadtgesellschaft bei Bugenhagen // Archiv für Reformationsgeschichte. – 1988. – 79. Jg.
12. Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер М. Время молчания прошло. – Харьков, 1994.
13. Sprengler-Ruppenthal A. Bugenhagen und das protestantische Kirchenrecht // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. – 1971. – Bd. 88.

14. Дятлов В.О. „В ім'я Бога і загального добра”. Нижчі верстви населення німецького міста і Реформація. – Чернігів, 1997.
15. Голубкин Ю.А., Дятлов В.А. Реформационное движение в Виттенберге (1521–1522 гг.) // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. – Свердловск, 1983.
16. Die Nürnberger Armenordnung // Sachße C., Tennstedt F. Geschichte der Armenfürsorge in Deutschland. – Stuttgart–Berlin–Köln, 1998. – Bd. 1.
17. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie. – Tübingen, 1972.
18. Уваров П. Ю. Школа и образование на Западе в средние века // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах – М., 1996.
19. Bode H. Johannes Bugenhagen: Die Schulkonzeption eines Reformators // Johannes-Bugenhagens-Festschrift des Katharineums zu Lübeck. – Lübeck, 1985.
20. Hesse O. Ein Beitrag zur Vorgeschichte von bugenhagens Braunschweiger Kirchenordnung von 1528 // Jahrbuch der Gesellschaft für niedersächsische Kirchengeschichte. – 1966. – Bd. 64.

Резюме

Каріков С.А. Брауншвейзький церковний статут 1528 р.

У статті розглянуті основні положення Брауншвейзького церковного статуту 1528 р. – першого серед євангелічних церковних статутів Німеччини. Автор провів комплексний аналіз основних проблем цього документа: утворення нової церковної організації; діяльності „спільної каси”; змін у міських школах. Зроблено висновки щодо закріплення позицій міської Ради та зміцнення Євангелічної Церкви в місті внаслідок прийняття статуту, а також щодо його впливу на хід Реформації в інших територіях Німеччини.